

Уголовно-правовые исследования

УДК 343.9
ББК 67.512

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕЗАКОННЫХ МИГРАНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Р. Абызова

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя

Аннотация: Статья посвящена исследованию состояния, структуры и динамики преступности незаконных мигрантов в Российской Федерации. Автором предложена классификация преступности иностранных граждан и лиц без гражданства на: сугубо миграционную преступность; общеуголовную — насильственную и корыстную преступность мигрантов; организованную и политическую преступность. Выявлена и описана взаимосвязь незаконной миграции с различными видами преступлений, совершаемых мигрантами.

Исследована взаимосвязь и различие признаков преступности мигрантов с феноменом этнической преступности, являющейся её особой структурной частью. Доказано, что именно этническая идентичность, а не формальная принадлежность выступает решающим фактором сплочения и формирования организованных преступных групп. Рассмотрена роль национальных диаспор в криминализации прибывающих в Россию соотечественников, вовлечении их как в общеуголовные, так и террористические преступления.

Автором осуществлён анализ статистических данных различных видов преступлений, совершаемых мигрантами.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, миграционная преступность, общеуголовная преступность мигрантов, организованная преступность мигрантов, этническая организованная преступность, экстремистская и террористическая преступность мигрантов, диаспоры.

THE STATE, STRUCTURE, AND DYNAMICS OF THE PHENOMENON OF ILLEGAL MIGRANT CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. R. Abyzova

University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

Annotation: The article is devoted to the study of the state, structure and dynamics of crimes committed by illegal migrants on the territory of the Russian Federation. The author proposes a classification of the crime of foreign citizens and stateless persons into: purely migration-related crime; general criminal — violent and mercenary crime of migrants; organized and political crime. The relationship between illegal migration and various types of crimes committed by migrants is identified and described.

The article explores the relationship and differences between the characteristics of migrant crime and the phenomenon of ethnic crime, which is a specific structural part of it. It is proven that ethnic identity, rather than formal affiliation, is a crucial factor in the cohesion and formation of organized criminal groups. The

article also examines the role of national diasporas in the criminalization of compatriots who arrive in Russia and their involvement in both general criminal and terrorist crimes. The author analyzes statistical data on various types of crimes committed by migrants.

Keywords: migration, illegal migration, migration crime, general criminality of migrants, organized crime of migrants, ethnic organized crime, extremist and terrorist crime of migrants, diasporas.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.19](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.19)

Особенности преступности мигрантов делают её самостоятельным объектом для криминологического изучения, ключевым критерием которого является наличие специального субъекта — иностранного гражданина. Преступления, совершаемые мигрантами, характеризуются значительной скрытностью, в силу чего они получают официальную квалификацию как «преступность мигрантов» лишь при раскрытии преступления и идентификации виновного лица, когда устанавливается его миграционный статус.

Наиболее дерзкими и опасными считаются преступления, совершаемые незаконными мигрантами. Одним из негативных последствий незаконной миграции является влияние на преступность, что делает необходимым изучение взаимосвязи между миграционными потоками и уровнем преступности [1, с. 736–743]. Криминологическая значимость исследования преступности, совершаемой приезжими, обусловлена рядом факторов. Прежде всего, их деятельность оказывает существенное воздействие на криминальную ситуацию на национальном и региональном уровнях. Во-вторых, в условиях социальных кризисов это влияние значительно усиливается, оказывая заметное детерминирующее воздействие на динамику преступности. В-третьих, возникают многочисленные новые вызовы в экономической, социальной, политической и духовной сферах, включая вопросы международно-правового регулирования, правового положения иностранных граждан на территории государства и обеспечения их безопасности [2].

Незаконная миграция, с точки зрения С.А. Бучакова, рассматривается как криминогенный феномен, подвергающийся анализу с целью определения ее роли в детерминации преступности как на мировом, так и на российском уровнях [3]. Анализ незаконной миграции, с его точки зрения, должен охватывать два ключевых аспекта: первый из них посвящен изучению преступности, непосредственно связанной с незаконной миграцией, куда включены преступления как самих мигрантов, так и совершаемые в отношении их; другой включает в себя преступные деяния, связанные с незаконным перемещением людей через границу РФ.

Исследование статистической информации и синтез результатов многочисленных научных работ позволили выявить определенные закономерности в преступности мигрантов, обусловленные преимущественно региональными факторами. Анализ статистических данных выявил, что наименьший уровень преступности среди мигрантов наблюдается в республиках Российской Федерации, причем эта тенденция к снижению прослеживается в южных регионах страны. Напротив, наиболее высокий уровень преступности среди иностранных граждан отмечается в мегаполисах, регионах с высокой плотностью населения и концентрацией капитала, а также в приграничных территориях, где присутствуют крупные и влиятельные диаспоры выходцев из стран СНГ.

С позиции криминологии преступность, связанная с миграцией, подразделяется на несколько категорий: преступность, представленная исключительно нарушениями миграционного законодательства и связанная с незаконной миграцией; общеуголовная (насильственная и корыстная) преступность мигрантов, а также организованная, в том числе этническая и политическая преступность.

Сугубо миграционными преступлениями считаются деяния, нарушающие правила миграции и делающие её незаконной, преступной (это незаконное пересечение границы — ст. 322 УК РФ и организация незаконной миграции — ст. 322.1 УК РФ). К нарушениям, затрагивающим режим въезда и выезда в Российской Федерации, В.М. Емельянов относит: а) несоблюдение установленных норм въезда в страну или попытки получения разрешительных документов на въезд путем предоставления недостоверных персональных данных или использования фальсифицированных документов;

б) отсутствие надлежащих документов, необходимых для въезда и пребывания, либо внесение ложных сведений относительно цели визита в миграционную карту или иные сопроводительные документы; в) истечение установленных сроков для миграционного учета или нарушение условий транзитного проезда через территорию Российской Федерации [4, с. 38–47].

В научном сообществе отсутствует единое понимание миграционной преступности. Одни исследователи, например, С.А. Бучаков, рассматривают ее как преступления, совершенные мигрантами (как индивидуально, так и в составе групп или этнических сообществ) в стране пребывания или на международном уровне, а также как преступления, направленные против самих мигрантов (легальных и нелегальных) в странах, где они находятся или через которые следуют [3]. Другие ученые, такие, как Т.Н. Юдина и Т.М. Бормотова [5, с. 140–148], определяют миграционную преступность как масштабное социально-правовое явление, охватывающее все противоправные деяния, совершаемые мигрантами в различных сферах жизни региона, затрагивающие безопасность его жителей и общественный порядок.

По нашему мнению, представленные определения миграционной преступности не раскрывают её истинную природу. Они ошибочно включают в себя любые противоправные деяния с участием мигрантов, что является чрезмерно широким и поверхностным подходом. Такой обобщенный взгляд не позволяет должным образом классифицировать преступления, совершаемые иностранными гражданами и лицами без гражданства, и выявить их специфические черты. К истинно миграционным преступлениям следует относить те, которые непосредственно связаны: а) с незаконным пересечением государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ); б) с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ); в) с фиктивной регистрацией иностранного гражданина или лица без гражданства в жилом помещении в России (ст. 322.2 УК РФ); г) с фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322.3 УК РФ). Однако среди указанных выше статей мигрант может быть субъектом уголовной ответственности лишь по ст. 322 УК РФ, поскольку другие преступления совершают лица, организующие незаконную миграцию.

Таблица 1

**Показатели преступности в сфере незаконной миграции в Российской Федерации
за период 2018–2025 гг.**

Показатели	Годы							
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ)	1007	963	737	926	1 081	1 941	3 160	3 998
Темп прироста в %	–18,7	–4,4	–23,5	25,6	16,7	79,6	124,3	20,4
Фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ; фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ (ст. 322.2 УК РФ)	7 495	7 443	7 259	6 772	4 909	3 868	3 798	3 073
Темп прироста в %	17,0	–0,7	–2,5	–6,7	–27,5	–21,2	3,4	–23,2
Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в РФ (ст. 322.3 УК РФ)	38 764	43 035	33 724	28 919	32 164	34 950	33 444	32 263
Темп прироста в %	21,6	11,0	–21,6	–14,2	11,2	8,7 (6, с. 133)	2,9 [7]	–10,7

Динамика миграционной преступности (по различным её видам) существенно отличается друг от друга. Так, показатели преступления, предусмотренного (ст. 322.1 УК РФ) «Организация незаконной миграции»: * с 2018 по 2020 гг. снижались с 1007 до 737; * с 2021 по 2025 гг. росли с 926 до 3998. Резкий всплеск наблюдался в 2024–2025 гг. **Медиана составила 1727 преступлений.**

Преступления, предусмотренные статьёй 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства...», стабильно снижались на всём протяжении анали-

зируемого периода с 2018 по 2025 гг. с 7495 до 3073. Заметное снижение произошло в период с 2022 по 2025 гг. **Медиана составила 5552 преступления.**

Наибольшие перепады наблюдались в показателях преступлений, предусмотренных статьёй 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства...». Вначале с 2018 по 2019 гг. — рост; затем с 2020 по 2021 гг. — снижение; далее с 2022 по 2023 гг. — снова рост; и, наконец, с 2023 по 2025 гг. — снижение. **Медиана составила 35158 преступлений.** Принципиально важно понимать, что данные официальной уголовной статистики отражают лишь видимую, раскрытую часть айсберга, поэтому при анализе миграционной преступности следует изучать действительные параметры её изменения и за длительный период времени.

Вторая категория преступлений, относящихся к **общеуголовной сфере**, включает в себя противоправные действия, совершаемые как мигрантами, так и против них, но не имеющие прямой связи с нарушениями миграционного законодательства (незаконное пересечение границы или пребывание). **На официальном сайте МВД России [8]** приведены статистические показатели преступлений, совершенных мигрантами и в отношении мигрантов, в России (2018–2025 гг.).

Таблица 2

Год	Количество преступлений	
	совершенных мигрантами	совершенных в отношении мигрантов
2018	38598 (— 6,0%)	15816 (+7,7%)
2019	34917 (— 9,5%)	16810 (+6,3%)
2020	34400 (— 1,5%)	15981 (— 4,9%)
2021	36420 (+5,9%)	15961 (— 0,1%)
2022	40154 (+10,3%)	16082 (+0,8%)
2023	38936 (— 3,0%)	14090 (— 12,4%)
2024	38578 (— 0,9%)	11662 (— 17,2%)
2025	27231 (— 6,3%)	9136 (— 20,1%)

Анализ статистических данных, представленных в таблице, позволяет выявить следующие тенденции. Наблюдается снижение числа преступлений, совершенных мигрантами, в период с 2018 по 2020 гг. с последующим ростом в 2021–2022 гг. Максимальный показатель имел место в 2022 году — 40154. Повторное снижение преступности отмечается в 2023–2025 годах с минимальным показателем (27231) в 2025 году. **Медиана составила 36154.** Выше среднего показателя преступления мигрантов были зарегистрированы в период 2021–2024 гг. Большая часть таких преступлений была совершена гражданами стран СНГ (до 90% в 2018–2020 гг., 82% в 2022 году и 83% в 2023 году. Это объясняется комплексом социально-экономических факторов, включая изменения в миграционной политике, экономической конъюнктуре, а также адаптацией мигрантов к условиям принимающего общества.

Количество преступлений, совершенных в отношении мигрантов, демонстрирует в целом устойчивую тенденцию к снижению практически на протяжении всего рассматриваемого периода. Наиболее значительное снижение отмечается в 2023–2025 гг. Лишь в 2018–2019 гг. и в 2022 году отмечались незначительные отклонения от общего тренда. Максимальное значение показателя составило 16810 в 2019 году, минимальное 9136 в 2025 году. **Медиана составила 14445.** Выше среднего показателя преступления мигрантов были зарегистрированы в период 2018–2022 гг. Это может указывать на эффективность мер по защите прав мигрантов, снижение уровня ксенофобии в обществе или изменения в практике регистрации преступлений.

Сопоставление приведённых данных свидетельствует о том, что мигранты приблизительно в два с половиной раза чаще совершают преступления, чем становятся потерпевшими [9, С. 142–151]. Одновременно следует отметить более интенсивное снижение уровня преступности в отношении мигрантов, чем снижение уровня преступности среди мигрантов, что может свидетельствовать о дифференцированном влиянии факторов, определяющих эти две категории преступности.

Основным показателем криминальной ксенофобии, утверждают А. В. Богданов с соавторами, служат тяжкие и особо тяжкие («индикаторные») преступления, направленные **против жизни и здо-**

ровья граждан, составляющие почти половину всех зарегистрированных преступлений. В эту категорию входят убийства (включая покушения), нанесение тяжкого вреда здоровью, изнасилования (и покушения на них), грабежи, разбои и хулиганство [10]. Характерной чертой подобных преступлений является частое применение оружия, а также рост числа рецидивов — преступлений, совершённых иностранными гражданами, ранее уже судимыми и отбывавшими наказание на территории РФ [11, С. 217–225]. Особую тревогу вызывает растущая криминализация именно нелегального сегмента, представителями которого в 2024 году было совершено более 8 тыс. преступлений, что примерно втрое превышает показатель предыдущего года. Увеличилось число преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и экстремистской направленности.

В то же время, по данным МВД, наблюдалось некоторое сокращение числа **тяжких и особо тяжких преступлений**, совершенных иностранными гражданами, а также преступлений против собственности и связанных с незаконным оборотом наркотических средств [12, С. 238–243]. Наблюдаемая разница в статистических данных свидетельствует о неполной ясности общей картины преступности. Это может быть обусловлено как переориентацией криминальных группировок на иные виды деятельности, так и изменениями в методике учета правонарушений со стороны правоохранительных органов. При этом отмечается, что мигранты демонстрируют меньшую вовлечённость в имущественные преступления (кражи, мошенничество) по сравнению с гражданами Российской Федерации. Данный факт позволяет предположить, что их корыстные мотивы могут находить выражение в более структурированных и организованных формах преступной деятельности. Насильственные экстремистские преступления в России крайне редки — составляют менее 0,05% от общего числа преступлений против личности, более половины из которых совершаются преимущественно в отношении мигрантов, прибывших из Узбекистана и Таджикистана [13].

Согласно данным журналистов «Московского Комсомольца», наибольшее число правонарушений отношении несовершеннолетних в Москве в первой половине 2024 года (103 случая за шесть месяцев) приходится также на граждан Узбекистана и Таджикистана. Этот показатель демонстрирует значительный рост — на 87,3% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. Большинство дел по преступлениям против несовершеннолетних было возбуждено по ст. 132 УК РФ — «Насильственные действия сексуального характера» и по ст. 135 УК РФ — «Развратные действия» и опять же гражданами Узбекистана и Таджикистана.

В силу непосредственной взаимосвязи миграционной преступности с общеуголовной криминальная миграция трансформируется в различные формы **организованной преступности**, представляющей собой не простую арифметическую сумму отдельных преступлений, совершаемых мигрантами, а целостный, внутреннеструктурированный и динамично развивающийся сегмент современной организованной преступности, обладающий собственными специфическими признаками, которые принципиально отличают его от традиционной общеуголовной преступности. Среди иностранцев весьма высок уровень организованной преступности, удельный вес которой составляет 65–70%. Однако при этом следует учитывать типичные для неё признаки — латентность и конспиративность, что требует интерпретации количественных показателей с большей осторожностью, воспринимая их как индикатор общей тенденции, а не как точное измерение масштабов явления. Современные исследователи обращают внимание на качественную трансформацию преступности в среде мигрантов, отмечая их быструю эволюцию от разрозненных деяний к консолидированным организованным формам, структурированным по этническому или земляческому признаку.

Процесс нелегальной миграции, по мнению П. Н. Кобеца, сопряжен с формированием криминальных образований по этническому признаку, в которые вовлекаются лица, находящиеся на территории страны незаконно. Данное обстоятельство может способствовать развитию криминальных практик, подпадающих под действие статьи 359 Уголовного кодекса Российской Федерации «Наёмничество». В контексте указанной противоправной деятельности автор указывает на возможность осуществления вербовочных мероприятий с последующей подготовкой рекрутов для международных террористических организаций, которые будут формироваться из числа нелегальных мигрантов с целью проведения террористических актов и осуществления боевых действий на территории Российской Федерации [6, С. 135].

Несомненно важным обстоятельством деятельности в России организованного криминала с этническим составом является постоянный приток соотечественников из-за рубежа. На сегодняшний день организованные этнические преступные группировки вторглись во многие сферы жизни российского общества в рамках отдельных территорий, особенно на региональном уровне. Глубинные изменения в социально-экономических процессах, которые происходят в мире и в нашей стране в последние десятилетия, по мнению С. В. Расторопова и В. М. Яковлева, привели к существенным и, вероятно, необратимым изменениям в структуре преступности, в которой стали четко выделяться новые виды организованной преступной деятельности, адаптированные к условиям глобализации [12, С. 238–243]. В качестве специфической разновидности этнической преступности авторы рассматривают преступность мигрантов, с некоторыми оговорками относительно субъектного состава и механизмов функционирования.

В научной литературе существуют различные подходы к определению организованной этнической преступности. Так, А. И. Фойгель и Б. А. Гилевич характеризуют её как особую форму совместной преступной деятельности, которая основана на деятельности лиц, объединенных общностью этнического происхождения, что создает дополнительную социально-психологическую связь [13, С. 159–169], сформированную самосознанием. Согласно К. В. Кузнецову, данные действия совершаются членами одного или нескольких этносов, формирующихся на основе общих культурных особенностей, родственных (клановых, тейповых и т. п.) или иных иерархических связей, а также общих криминальных интересов. Все эти факторы служат достижению конкретных задач в рамках единой преступной деятельности [14, С. 19]. Немаловажным является и то, что именно этническая идентичность, а не формальная принадлежность к тому или иному этносу часто выступает решающим фактором, на основе которого происходит сплочение и формирование общности организованных преступных групп.

Преступность мигрантов, пересекаясь с феноменом этнической преступности, является её особой, структурной частью с важными отличительными признаками. Организованная преступность мигрантов действительно формируется лицами на основе этнической принадлежности или идентичности, но её дополнительным, ключевым идентифицирующим признаком выступает сам факт отсутствия у участника гражданства страны постоянного пребывания по рождению и его особый правовой статус, связанный с процессом миграции. В результате этническая общность превращается из культурного маркера в эффективный инструмент, механизм формирования криминальных связей, выбора направлений преступной деятельности, распределения ролей и обеспечения безопасности.

Основным отличием организованной преступности мигрантов от этнической преступности в широком смысле является вопрос субъектного состава. Классическая этническая организованная группа может быть полностью представлена гражданами Российской Федерации, что естественно с учетом многонационального характера нашего государства и наличия компактного проживания различных народов. При этом фактический состав организованной преступной группы на практике может формироваться и из представителей разных, но культурно и исторически близких национальностей, имеющих схожую идентичность, а их общая «этническая» принадлежность в криминальном мире будет определяться по наиболее преобладающему, доминирующему признаку или по признаку лидера группы. Так, если этническая преступность формируется по национальному признаку, т. е. в состав криминальных групп могут входить граждане России любой национальности, то под миграционной преступностью подразумевается преступность сугубо мигрантов. Различаются также мотивы преступлений и механизмы функционирования преступных групп.

Анализ данных МВД России выявляет существенный вклад этнических преступных формирований в общую структуру преступности: они совершают около 10% тяжких и особо тяжких преступлений, почти 13% преступлений против собственности, 7,5% наркопреступлений, 3,6% коррупционных преступлений, 5,6% преступлений против общественной безопасности и до 88% преступлений в сфере компьютерной информации. При этом наиболее значительный объем криминальной деятельности приходится на группы, сформированные на основе азербайджанской, грузинской и армянской диаспор, что свидетельствует об их доминирующей роли в структуре этнической организованной преступности [15, С. 269].

В составе организованных преступных групп мигрантов присутствуют преимущественно иностранные граждане и лица без гражданства, а также лица, получившие гражданство Российской Фе-

дерации уже после иммиграции, часто в упрощенном порядке. Последние, обладая знанием местных реалий и имея формальный легальный статус, часто занимают позиции руководителей, организаторов или связующих звеньев, вовлекая в преступную деятельность своих недавно прибывших бывших соотечественников, находящихся в уязвимом положении. В местах, где скапливаются этнические мигранты, формируются закрытые **этнические диаспоры**, играющие двойную роль: с одной стороны, они помогают нелегальным мигрантам найти работу, обустроиться; а с другой — вовлекают их в преступную деятельность. Через легальные и нелегальные миграционные потоки диаспоры, по мнению С. В. Расторопова и В. М. Яковлевой, не просто расширили традиционные криминальные каналы сбыта товаров и легализации доходов, но и выстроили принципиально новые схемы преступной деятельности, основанные на эксплуатации самого миграционного статуса человека [12, С. 238–243], ставшего ключевым, системообразующим, конституирующим признаком данного феномена.

Взаимосвязь политической преступности с незаконной миграцией наиболее рельефно отражена в террористической и экстремистской деятельности. Хотя прямой взаимозависимости между миграцией и экстремизмом, терроризмом нет, тем не менее они имеют общее поле взаимодействия. Террористические организации, по мнению С. А. Бучакова, имеют мигрирующий характер, часто они формируют (пополняют) свои ряды из числа мигрантов, новое поколение которых тесно связано с наёмничеством [3]. Раздробленные сообщества мигрантов, продолжает автор, представляют собой идеальный контингент для вербовки террористов и экстремистов, что создает не просто риски, а угрозы в современном мире вследствие постоянного роста числа ячеек международных террористических организаций.

Экстремистские и террористические группировки, проникая в диаспоры, формируют тайные ячейки, которые занимаются активной вербовочной деятельностью и целенаправленной идеологической обработкой мигрантов. Согласно исследованию А. В. Богданова и его коллег, местные сообщники оказывают незаконным мигрантам финансовую поддержку и содействуют в получении фальшивых документов, призванных легитимизировать их пребывание в стране [16, С. 11–17]. Только в течение 2022–2024 годов под влиянием информационно-психологического и вербовочного воздействия украинских спецслужб граждане России и иностранцы совершили на территории РФ порядка 100 диверсионно-террористических актов [17, С. 55–60]. Увеличение числа экстремистских и террористических преступлений привело к негативному изменению ситуации с внутренней безопасностью, что потребовало пересмотра миграционной политики и совершенствования работы правоохранительных органов по пресечению незаконной миграции.

Данные о громких случаях, связанных с нелегальными мигрантами из разных частей страны, свидетельствуют о том, что лидеры национальных общин нередко выступают в роли покровителей или «решателей проблем», напоминая криминальных авторитетов 90-х годов. По мнению Н. А. Пименова, эти лидеры, обладая коррупционными связями в правоохранительных органах и среди высокопоставленных чиновников, беспрепятственно продвигают интересы выходцев из своих регионов, ограждая их от наказания за совершенные проступки и преступления. Общины, не имеющие официального статуса и юридического оформления, функционируют вне правового поля, контролируя определенные сферы криминального бизнеса, такие, как: незаконный оборот товаров, организацию азартных игр, нелегальный автобизнес и др., нанося ущерб стране и фактически действуя как агенты влияния [18]. При этом, если «старые» диаспоры демонстрируют снижение преступности на 25%, то «новые» показывают рост почти на 67%. Приведённые данные подчеркивают неоднородность криминальной активности среди различных групп мигрантов и необходимость учета специфики каждой из них при разработке профилактических мер и борьбе с преступностью.

Таким образом, исследование показало наличие четкой корреляции между нелегальными миграционными процессами и преступностью, совершаемой иностранными гражданами и лицами без гражданства. Незаконная миграция выступает в роли одного из основных драйверов, способствующих эскалации и развитию как общеуголовной, так и организованной преступности. В свою очередь, организованная преступность, преследуя собственные выгоды, целенаправленно стимулирует и генерирует увеличение незаконных миграционных потоков, а также задает вектор и определяет особенности значительной части миграционных перемещений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шахбазов Ф. М. Взаимосвязь феноменов миграции и экстремизма на современном этапе // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 6 (75).
2. Каньгин В. И. Проблемы комплексного анализа и предупреждения преступности в регионе: По материалам Приволжского федерального округа: диссертация ... кандидата юридических наук. — Нижний Новгород, 2002. — 187 с.
3. Бучаков С. А. Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия. Автореф. на соискание учёной степени канд. юрид. наук. Омск. 2019. 24 с.
4. Емельянов В. М. Инновации миграционного законодательства как стимул повышения эффективности деятельности полиции. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3 (69).
5. Юдина Т. Н., Бормотова Т. М. Миграционная преступность в современном мегаполисе: управление рисками // Управление. 2019. № 4.
6. Кобец П. Н. Криминологический анализ миграционной преступности и основные направления по ее противодействию // П. Н. Кобец // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4 (111).
7. Состояние преступности в России: за январь-декабрь 2025 года. // ФКУ «Главный Информационно-аналитический центр». Москва. 63 с.
8. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
9. Ситникова М. П. Миграция как фактор распространения экстремизма в России: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 1.
10. Богданов А. В., Венедиктов М. И., Косухин В. В., Пестрецов М. А., Санин В. Е., Хазов Е. Н. Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами в России. Монография. Изд-во: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. 2023. 100 с.
11. Корсаков К. В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации. Журнал: Вестник Томского государственного университета. № 489. 2023.
12. Расторопов С. В., Яковлева В. М. Формирование организованной преступности мигрантов как самостоятельного вида преступности Российской Федерации. Закон и право. 2025. № 12.
13. Фойгель Е. И., Гилевич Б. А. Некоторые проблемы борьбы с преступностью организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу, и преступлениями, связанными с иностранными гражданами // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3.
14. Кузнецов К. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Москва-2018.
15. Ничевин Д. К. Незаконная миграция: причины и условия. Комплексные исследования. № 1. 2016.
16. Богданов А. В., Пауков О. В., Хазов Е. Н. Миграционные процессы и их роль в современном государстве. Журнал: Образование и право. № 1. 2022.
17. Ивлева Н. Ю. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в сфере контроля за незаконной миграцией // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3.
18. Пименов Н. А. Угрозы нелегальной миграции. Российский экономический журнал. — 2024. — № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Абызова Евгения Равильевна, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. почта — janeer@yandex.ru.